

БОРИС КАГАРЛИЦКИЙ

Россия на периферии

Последнее десятилетие XX века было временем стремительной интеграции России в глобальную экономику. На идеологическом уровне это воспринималось как преодоление изоляции, «присоединение к цивилизованному миру» или попытка найти своё место в «общеевропейском доме». На самом деле Советский Союз вовсе не был изолирован от мировой экономики. В полной мере «закрытой» системой народное хозяйство СССР было лишь в 1936–1938 годах (что, видимо, не случайно совпадает с пиком сталинских репрессий). Другое дело, что советская экономика была в течение большего времени существования Союза более или менее самодостаточной, ориентированной, прежде всего, на внутренний рынок. Однако это можно сказать и про ряд западных экономик, в том числе и про Соединенные Штаты на протяжении значительной части XX века.

С другой стороны, активное включение Советского Союза в мировое разделение труда наблюдается уже в начале 1970-х годов. Именно в это время международный нефтяной кризис привел к резкому росту цен на топливо. В свою очередь советская экономика, постепенно снижавшая темпы роста, нуждалась в дополнительных средствах и новых технологиях. Эти средства были добыты за счет развертывания экспорта нефти, газа и других сырьевых ресурсов — прежде всего в Западную Германию, Францию и другие европейские страны. Вопреки расхожим представлениям, согласно которым интеграция в мировой рынок автоматически ведет к демократическим реформам, в Советском Союзе 1970-х наблюдался обратный процесс. Свертывание реформ в экономической и политической области стало возможно именно благодаря тому, что возникшие при этом проблемы решались с помощью экспорта сырья. Можно сказать, что интеграция в мировой рынок стала одним из условий поддержания «застоя» в СССР. Другим источником средств для СССР стали внешние займы. Платежеспособность страны обеспечивалась нефтяными доходами, но устойчивый рост суммы совокупного долга делал неизбежным возникновение серьезного кризиса в будущем.

После СССР

Разумеется, эта модель развития имела свои пределы и даже за счет притока нефтедолларов невозможно было бесконечно компенсировать снижающуюся эффективность отечественной экономики, нарастающие внутренние про-

блемы и технологическое отставание. Именно эти факторы подтолкнули руководство СССР к «перестройке», которая завершилась распадом Союза и крахом коммунистической системы.

После распада СССР российское руководство продолжало процесс интеграции в мировую экономику по тому же сценарию, который сложился ещё в годы «застоя». Точно так же, как элита «новой России» представляла собой обуржуазившуюся советскую номенклатуру, избранная модель интеграции в мировую систему являлась развитием «сырьевой ориентации» позднесоветского времени, которая вполне органично была дополнена неолиберальными реформами внутри страны и массовой приватизацией. Демонтаж системы социальных гарантий, распад хозяйственных связей в рамках бывшего СССР, отсутствие инвестиций в долгосрочные программы развития и резкое снижение покупательной способности населения привели в 1990-е годы к коллапсу внутреннего рынка и деиндустриализации. Высвободившиеся сырьевые ресурсы были выброшены на мировой рынок. Если в 1970–1980-е годы можно было говорить о колониальном типе интеграции России в мировой рынок, то на протяжении 1990-х годов внутренняя структура общества стала приближаться к «периферийной» модели (малочисленный средний класс, низкооплачиваемая масса трудящихся, растущее число социальных «маргиналов» и узкий слой «передовой элиты», интегрирующейся в транснациональный правящий класс).

В отличие от ряда бывших советских республик, не сумевших создать даже подобия национальной буржуазии и передавших все наиболее ценные производственные ресурсы в руки иностранных предпринимателей, российская элита сохранила основные источники сырья в собственных руках, что и стало основой для формирования отечественной олигархии.

Кризис 1998 года и мировая экономика

Распад СССР сам по себе оказался одним из ключевых условий процесса, получившего название «глобализации». Капитализм стал единственной мировой системой. Общества, раньше находившиеся за пределами мировой капиталистической экономики, стремительно вовлекались в неё, создавая новые рынки, источники ресурсов для глобального процесса накопления капитала. Россия в течение десяти лет из сверхдержавы превратилась в периферийное общество, зависимое от процессов, происходящих далеко за её пределами. Экономика страны оказалась в полной мере зависима от колебаний мировых цен на нефть и другие энергоносители, судьба рубля оказалась в полной зависимости от международных финансовых рынков.

Эта зависимость в полной мере проявилась во время финансового кризиса 1997–1998 годов.

Кризисы необходимы капитализму для поддержания конкурентной динамики и периодического «очищения» хозяйственного организма. Принцип «выживает сильнейший» в полной мере реализуется именно во время депрессии. Когда в странах Южной Азии рухнули местные валюты, а затем столь же стремительно стали снижаться объёмы производства, все ожидали, что это начало мирового кризиса. Дальнейшие события, казалось бы, под-

тверждали это предположение. Кризис стал разрастаться. Вслед за Южной Азией он охватил Россию. После того, как рухнул рубль, финансовые неприятности охватили Латинскую Америку. В этом плане крах 1998 года был доказательством того, что экономика России не просто стала открытой, но и в полной мере «глобализирована». С другой стороны, она явно выявила периферийное положение России. Показательно, что от кризиса 1997–1998 годов пострадали наиболее развитые страны периферии, которые в силу своего положения оказались наиболее привлекательны для финансовых спекуляций, но, в отличие от западных государств, их финансовая система была недостаточно сильна и защищена, чтобы с негативными последствиями этих спекуляций справиться. Был дважды девальвирован бразильский реал, который являлся не просто крупнейшей региональной валютой, но и символом нового экономического подъема на континенте. Международные финансовые центры в этот момент запаниковали, раздались голоса в пользу возврата к регулированию и контролю за глобальным движением капиталов.

Однако спад 1997–1998 года не стал общемировым. Огромные средства были брошены на спасение от банкротства попавших в беду финансовых монстров, правительства начали печатать деньги. Многомиллиардные кредиты были выделены на всевозможные стабилизационные программы, подчас противоречившие друг другу. Неважно, хороши или плохи применяемые методы, но ситуация стабилизировалась. Положение дел стало, как мы знаем, после девальвации национальной валюты улучшаться и в России, и в Бразилии.

Подъем российской экономики в 1999 году был вызван счастливым сочетанием двух факторов. С одной стороны, правительство Евгения Примакова и Юрия Маслюкова благодаря радикальному применению кейнсианских методов, откровенному поощрению инфляции и стимулированию спроса дало толчок для подъема промышленности. С другой стороны, рост цен на нефть, последовавший за стабилизацией экономического положения в Азии, позволил поддержать экономический рост даже после того, как этот первоначальный толчок исчерпал себя, а правительство Примакова–Маслюкова разогнано.

Динамика нефтяных цен нуждается в отдельном анализе. Когда в 1999 году, в связи с возобновившимся экономическим подъемом в Азии мировые цены на нефть начали бурно расти, никто не ожидал, что этот рост продлится долго. Однако этот скачок цен вызван был не только возросшим спросом, но и более глубокими процессами, происходившими в экономиках стран Запада, прежде всего – в США. Благодаря разгону кредитной и биржевой инфляции в Америке огромные средства на протяжении последних 15 лет во всем мире были изъяты из «реальной экономики» и перекочевали в сферу финансовых спекуляций, главным образом международных. Россия в данном случае не только не была исключением, но, напротив, находилась в первых рядах, двигаясь в ту же сторону, что и остальной «цивилизованный» (т.е. буржуазный) мир. Правительства искренне верили монетаристским теориям, утверждавшим, что единственным источником инфляции являются «неоправданные» государственные расходы, толкающие правительства к печатанию бумажных денег. А потому мер для сдерживания кредитной и биржевой инфляции не предпринимал никто, более того, ее считали благом

и всячески стимулировали. Дело не только в том, что американские фирмы имеют завышенную биржевую стоимость. Происходит это в условиях, когда почти на протяжении 10 лет бумажные деньги не дешевели. Американский экономист и историк Боб Бреннер называет это «частным кейнсианизмом». С того самого момента, как правительства перешли к «жесткой» финансовой политики, частный сектор начал максимально повышать стоимость акций, брать кредиты и весьма свободно использовать другие финансовые инструменты, находившиеся в его распоряжении. Результат был точно такой же, что и при накачивании спроса по рецептам Дж. М. Кейнса, только финансировалось это не за счет бюджетного дефицита, а за счет роста частного и корпоративного долга и надувания биржевого «пузыря».

Вахханалия «биржевой и кредитной инфляции» сопровождалась «жесткой» политикой центральных банков, поддерживавших стабильность наличных денег. Иными словами, единственным игроком на рынке, действительно проявившим сдержанность и добросовестность, было государство. В итоге спекулятивный финансовый капитал возростал совершенно непропорционально росту производства, а обесцененные «безналичные» деньги можно было до поры свободно конвертировать в полновесную наличность. Нужен был только механизм, который позволил бы это сделать, не обрушив биржу немедленно (если бы все начали продавать акции, на Уолл-стрит начался бы кошмар). Тот, кто первым найдет решение проблемы, оказывается в выигрыше.

Взвинчивание нефтяных цен обеспечило такой механизм перераспределения. В экономике Запада возник своего рода «инфляционный навес», по своему похожий на советскую «законсервированную инфляцию» (помните, когда у всех еще росли накопления на Сберкнижках, а цены были стабильны). В советской экономике «лишние» деньги рано или поздно создали непреодолимую проблему «дефицита». На сей раз «лишние» деньги, в конечном счете, обрушились на нефтяной рынок.

Рост цен на нефть не стал причиной мировой депрессии, но оказался своего рода пусковым механизмом, подтолкнувшим её. Биржевые индексы пошли вниз, «пузырь» лопнул. Началось сокращение спроса и спад производства в развитых западных странах. Поскольку долларовый «навес» рухнул, инфляция понемногу начала выходить из-под контроля, «лишние» деньги, вырвавшись на свободу, начали распространяться по всем секторам экономики. Доллар стал дешеветь. Доллар на протяжении второй половины 1990-х постоянно укреплялся по отношению к немецкой марке, японской йене. Теперь европейцы и японцы смогли взять реванш. Другой вопрос, что цена этой победы может оказаться слишком дорогой для всех.

Парадоксальным образом Россия оказалась одной из немногих стран, выигравших от этой ситуации. Во-первых, приток долларов в экономику начался раньше, чем американские деньги обесценились. Во-вторых, страна отчаянно нуждалась в средствах. Поэтому приток денег был позитивным фактором, даже если сами деньги теряли свою стоимость. Увеличение инфляции происходило в России за счет притока иностранных средств, тем самым обеспечивая «алиби» руководству Центрального Банка. Если в США 1990-х можно было говорить о «частном кейнсианизме», то в России кейнсианизм

оказался «импортированным». Механизм накачивания инфляционного спроса, который в классических схемах Дж. М. Кейнса обеспечивает государство, был реализован с помощью «стихийного» притока нефтедолларов.

Беда в том, что подобное положение дел не может быть ни стабильным, ни долговечным. Более того, поскольку сохраняется фундаментальная зависимость России от внешних факторов, рост или упадок экономики лишь в небольшой степени зависят от отечественного правительства и даже бизнеса. А общемировая ситуация на фоне затяжной депрессии будет становиться всё менее стабильной.

Ирония истории состоит в том, что первый нефтяной шок дезорганизовал систему государственного регулирования и подорвал господствовавший на Западе «социализм распределения». Напротив, второй нефтяной шок дезорганизует систему рыночно-корпоративного регулирования и наносит удар по неолиберальному капитализму. Если ответом на нефтяной шок 1973 года был начавшийся, пусть и с некоторым отставанием, сдвиг мировой экономики «вправо», к либеральной модели, то на сей раз наиболее вероятным ответом будет (тоже после некоторой паузы) аналогичное движение «влево». Круг замкнулся.

Нас эти процессы не обойдут стороной. Сегодняшняя Россия демонстрирует, с одной стороны, невероятную открытость, вписанность в мировую экономику. А с другой стороны, все более очевидным станет именно несоответствие избранного российской элитой неолиберального подхода нарастающей новой глобальной динамке.

После Ирака

Война в Ираке и сопровождавшее её столкновение между США и франко-германо-русским триумвиратом выявили долгосрочные перспективы мирового развития.

Английский экономист Алан Фриман сравнивает ситуацию начала XXI века с процессами, происходившими в конце XIX столетия. Именно тогда, на фоне затяжной «поздне-викторианской депрессии» возникло явление, получившее в литературе наименование «империализма». Сравнение с викторианской эпохой не случайно. Империализм и колониализм в том виде, как мы их знаем из советских учебников, сложились в 1870-е годы. К тому времени в Европе и США была в основном завершена начальная фаза индустриальной революции. Эйфорию и бурный рост сменила затяжная депрессия. Утопические представления о том, что машины решат все проблемы, сменились трезвым пониманием драматизма новой реальности. Однако капитал требовал выхода, нуждался в новых рынках. Идеология свободной торговли, в отличие от времен «Великой депрессии» XX века, сомнению не подвергалась, Кейнс ещё не родился. Но что-то надо было делать. И «цивилизованный мир», который на протяжении полувека не только не захватывал новых колоний, но и предоставлял независимость своим владениям в Северной и Южной Америках, неожиданно ринулся воевать с варварами. Африка, которая раньше никому не была нужна, вдруг становится сплошным полем боя. Походы англичан против короля зулусов или суданских дер-

вишей обосновывались практически теми же словами, что и кампании против Ирака или Афганистана. Недавно в британской прессе была приведена подборка цитат из речей британских политиков, посвященных зулусской и иракской войнам. Совпадение поразительное, вплоть до конкретных формулировок, оборотов речи. Зулусов весьма успешно освободили от деспотизма местного царька, накапливавшего подозрительные арсеналы современного оружия и создававшего угрозу для всего региона. Страшных арсеналов не нашли (туземцы сражались в основном копьями и луками). Но независимость зулусы потеряли навсегда.

Итак, совпадения не случайны. Исчерпание первой фазы информационной революции сегодня такой же факт, как и завершение первоначальной индустриализации в Европе 1870-х годов. Ясное дело, новации будут продолжены, техника будет совершенствоваться. Но раньше введение новой технологии автоматически создавало новый рынок, порождала массу новых специальностей и лавину дополнительного спроса. Теперь уже нет. Эволюция приходит на смену революции. А это означает и конец сверх-высоких прибылей.

Новые рынки, которые раньше создавали с помощью изобретений, теперь приходится завоевывать огнем и мечом. Тормозящая экономика начинает испытывать дефицит ресурсов. В условиях бурного роста цены на сырье казались мелочью, неспособной серьезно сдерживать развитие. Но как только начинается депрессия, выясняется, что сырье слишком дорого, поставки ненадежны. Нужен контроль над источниками сырья и ценами.

В XIX веке это назвали «гонкой завоеваний». В XXI веке просто так завоевать чужую страну уже нельзя, нужно найти повод, чтобы туда войти и основания, чтобы остаться. Но сделать это становится всё проще. Ирак оказывается важным призом для Соединенных Штатов не только потому, что там много нефти. Контролируя Ирак, американский наместник или его ставленник будет участвовать в решениях ОПЕК, влиять на других экспортеров нефти. Восстановление страны после двенадцати лет блокады, организованной теми же США — настоящая золотая жила для американских компаний. Ирак, не имевший системы мобильной связи, станет единственной в регионе страной, где вместо европейского стандарта GSM будет внедрен американский стандарт. Модернизация всевозможных служб и технологических систем даст многомиллионные прибыли, которые будут оплачены иракской нефтью. Короче, оккупация создает новые рынки. Другое дело, насколько все сложится удачно. Нестабильность, сопротивление, саботаж могут сильно испортить картину. А в том, чтобы у американцев в Ираке ничего не получалось, заинтересованы слишком многие.

Однако США — лишь одна из сторон в новом глобальном соревновании. То, что Франция, Германия и примкнувшие к ним Бельгия с Люксембургом выступили против американского похода на Ирак — не случайность, не просто уступка общественному мнению. Тем более, что и после окончания войны «четверка» с американцами не торопится мириться, объявляет о создании военного альянса, настаивает на введении экономических санкций против США в рамках Всемирной торговой организации. Алан Фриман и Уолден Белло говорят о новом европейском центре, всту-

пающем в конкуренцию с Америкой. Речь не идет о Евросоюзе в целом. Органы европейской интеграции оказались слишком слабы, а союз — слишком большим и разношерстным. Единая европейская валюта может успешно состязаться с долларом лишь в том случае, если за ней — консолидированная политическая и экономическая сила. А потому, вопреки прогнозам десятилетней давности, мы видим перед собой не столько консолидацию Европы в рамках единого Союза, сколько выделение в этом союзе собственного «ядра» и «периферии». Ядро — страны, наиболее сблизившиеся в экономическом, технологическом, политическом и военном отношении, это как раз «четверка».

В эпоху новых технологий география не то, чтобы теряет смысл, но, безусловно, меняет своё экономическое значение. Как заметил Алан Фриман, нет ничего удивительного в позиции английской элиты, если учесть, что Сити является просто продолжением Уолл-стрита в Европе и деловая связь между Лондоном и Нью-Йорком многократно интенсивнее, чем связь Лондона с Парижем или Франкфуртом.

ООН, НАТО, Евросоюз, даже Международный валютный фонд, Мировой банк и Всемирная торговая организация, все эти структуры глобального управления, казавшиеся в 1990-е годы основой нового мирового порядка, находятся в кризисе. Национальное государство снова выдвигается на передний план, ибо только оно обладает необходимым «ресурсом насилия» и легитимностью. Мобилизовать «своих» против «чужих», поднять волну патриотизма. Объявить защиту европейской культуры от американского варварства, призывают французские интеллектуалы. Покарать «неблагодарную Францию» грозятся американские обыватели.

Если этот прогноз верен, то какова роль России в «пост-глобальном» мире? Увы, краткосрочные перспективы не выглядят вдохновляющими. Мы нужны внешнему миру именно своими ресурсами. Перспективы российских постиндустриальных технологий, наш научный и интеллектуальный потенциал не слишком интересны участникам новой большой гонки. Другое дело — российская нефть и газ. После того, как Ирак превращается в американский протекторат, доступ к российским ресурсам становится особенно важен для стран «евро-ядра». Это надежный тыл европейского проекта, к тому же большая страна, которая вооружена до зубов и вряд ли подвергнется внешнему нападению в ближайшем будущем. Но чем более «евро-ядро» нуждается в наших ресурсах, тем больше радости будут испытывать серьезные начальники в Вашингтоне от любой неприятности, происходящей здесь.

У России и без внешнего влияния достаточно причин для нестабильности. И в этом смысле никакие иностранные заговоры нам не помешают. В том смысле, что и без них дела будут идти весьма плохо. Но будущее открыто. Глобальные конфликты и нестабильность открывают новые возможности. В начале XX века «межимпериалистические конфликты» закончились тем, чего меньше всего ожидали глобальные игроки: большевистской революцией в Петрограде. В современной России ожидать революции не приходится. Но перемены становятся неизбежны. И совершенно не очевидно, что это окажутся перемены к худшему.

Периферия и глобальный процесс накопления капитала

Разделение капиталистической миросистемы на «центр» и «периферию» было предметом анализа на протяжении длительного времени (начиная с работ Розы Люксембург, заканчивая не только трудами Иммануила Валлерстайна, Самира Амина и др., но и книгами Джорджа Сороса). Статистические данные, собранные на протяжении XIX—XX веков показывают, что соотношение экономических сил между зонами «периферии» и «центра» остается достаточно стабильным, хотя разрыв между «передовыми» и «отсталыми» странами по большинству показателей неуклонно увеличивается. Разрыв между «центром» и «периферией» великолепно иллюстрирован региональной экономической статистикой. Однако гораздо менее понятно, что именно порождает и воспроизводит подчинение «периферии» по отношению к «центру».

Почему такое положение вещей неуклонно воспроизводится, несмотря на то, что не только капитализм меняет свою форму, но и отношения между странами подвержены изменениям?

Первоначально марксистские авторы склонны были объяснять положение стран периферии колониальной зависимостью от Запада. Соответственно, это предопределило стратегию деколонизации, которая, покончив с политическим контролем, должна была гарантировать и экономическую независимость. Однако опыт Латинской Америки показал уже в XIX столетии, что политическая независимость не позволяет странам периферии радикально изменить свое положение в мировой системе. Аналогичным образом царская Россия демонстрировала явные черты периферийного общества, будучи не только независимым государством, но и влиятельной европейской державой.

Позднее доминирующее положение «центра» объясняли тем, что здесь сосредоточено индустриальное производство, в то время как периферия в мировом разделении труда берет на себя роль поставщика ресурсов. В свою очередь, освободительные движения выдвинули задачу индустриализации и модернизации (вдохновляющим примером здесь послужили первые советские пятилетние планы). Увы, индустриализация, несмотря на многие очевидные успехи, не решила проблемы. Тогда на первый план стала выдвигаться технологическая зависимость и способность запада сосредоточить в своих руках стратегические монополии (на высокие технологии, оружие массового поражения, средства массовой информации и т.д.). Между тем, даже создание индийской и пакистанской атомных бомб или арабской телекомпании Аль-Джазира не изменило глобальной экономической иерархии. Более того, на протяжении 1990-х годов Россия и Украина, с их весьма развитыми индустриальными экономиками и унаследованными от СССР мощными вооруженными силами, всё более приобретали классические черты периферийных обществ. Наконец, экономисты указывают на явные признаки финансовой эксплуатации «периферии» через систему внешнего долга.

Дело в том, что, несмотря на то, что по ходу истории глобальное разделение труда неоднократно менялось, неизменной оставалась тенденция к накоплению, концентрации и централизации капитала, лежащая в основе бур-

жуазного способа производства. Централизация капитала в мировом масштабе приводит к формированию нескольких центров накопления, зачастую соперничающих между собой. Именно логика накопления и концентрации капитала ведет к тому, что он систематически перераспределяется в пользу мировых «лидеров». Даже резкий рост экономики на периферии не меняет положение дел радикальным образом. При известных обстоятельствах, подъем производства в этих странах может даже ослабить их положение. Чем лучше страна работает, тем больше там возникает «свободный» или «избыточный» капитал, перераспределяющийся в пользу основных центров накопления. Конкретные формы международного разделения труда являются уже следствием этого глобального процесса. Эти формы меняются, а логика накопления остается.

Россия 1990-х годов в этом отношении демонстрирует весьма яркую картину, ибо на фоне масштабного кризиса, страна оказалась одним из финансовых «доноров» мировой экономики. Огромные средства были переведены в западную валюту, главным образом — в американские доллары, и вывезены из страны. Показательно, что подъем 1990-х годов не изменил тенденцию — в относительно благополучный период 2000—2003 годов прямой и косвенный вывоз капитала оставался достаточно значительным.

Начиная с конца 1990-х годов, однако, обостряется соперничество между основными центрами глобального накопления — западноевропейским и североамериканским. Россия оказывается в сложной ситуации, ибо её экономика в финансовом отношении привязана к доллару, но международное разделение труда, напротив, подчиняет её западноевропейскому ядру. Другой вопрос, насколько экономические и политические стратегии, избранные российской элитой в начале 2000-х годов могут привести к постепенной дедолларизации экономики страны и переориентации на евро. Пока можно констатировать, что сколько-нибудь заметных успехов (и даже особой решимости) не наблюдается. Но принципиально не это. Даже если дедолларизация реально произойдет, это отнюдь не будет означать радикального изменения места России в международном разделении труда. Независимо от того, привязана страна к доллару или к евро, или даже достигла «внешней конвертируемости рубля», о которой с таким вожделием говорил Владимир Путин в президентском послании 2003 года, мы будем оставаться периферией.

Альтернативные стратегии

Между тем периферийное развитие чревато для России серьезными катастрофами в будущем. На протяжении большей части XX века Советский Союз развивался не совсем отдельно от мировой системы, но всё же автономно по отношению к ней. Это позволило, несмотря на огромные материальные и моральные жертвы обеспечить модернизацию страны и достичь такого уровня развития, какой не был возможен ни для одной из периферийных экономик XX столетия. Возвращение России на путь периферийного развития означает, что все эти жертвы могут оказаться напрасными. Наша страна оказывается слишком развитой, а население слишком образованным для того типа экономики, который у нас складывается. Более того, население Рос-

сии, вопреки общему мнению, «слишком богато» для периферийной страны. Речь идет, разумеется, не о мизерных зарплатах трудящихся, а об обеспечении большинства граждан жильем, медицинскими услугами, образованием и т.д. В этом смысле правы неолибералы, обвиняющие нас в том, что мы живем не по средствам. При средней зарплате в 120–150 долларов в месяц абсурдом является то, что большинство людей всё ещё живет в отдельных квартирах, в тепле, с горячей водой и т.д. Смысл новой волны неолиберальных реформ в том и состоит, чтобы заставить страну жить по средствам, опустив бытовые и социальные условия большинства до уровня зарплат. Это, однако, будет означать социально-культурный регресс беспрецедентного со времен крушения Рима масштаба. Понятно, что страна переживающая подобную социо-культурную катастрофу, просто не может сохранить себя в неизменном виде.

Если неолиберальная реформа, проведенная до логического конца чревата национальной катастрофой (второй при жизни нынешнего поколения после 1991–93 годов), то надежды на «присоединение к Европе» на основе либеральной модернизации или классических рецептов социал-демократических реформ — утопичны. Ни то ни другое не работает в условиях периферии.

Непригодность классических западных схем в условиях периферийного развития была обнаружена ещё во время русских революций 1905 и 1917 годов. Не случайно большевики и народники, два течения, отказавшиеся от следования западным рецептам оказались наиболее эффективными политическими проектами того времени. Современная ситуация также требует выработки новых стратегий, адекватных российской реальности. Однако эти стратегии не могут строиться на основе «почвеннических» утопий и идеологий «национальной избранности» просто потому, что все эти идеи не дают нам ровно никакого знания ни о современном мире, ни о проблемах, которые надлежит решать в экономической или социальной сферах. Почвеннические утопии являются не более чем реакцией бессилия в условиях периферийного развития.

Выход из тупика может быть найден лишь в таком самостоятельном развитии, которое одновременно способствовало бы изменению миросистемы в целом. Россия не может измениться не изменив мир (что, впрочем, точно так же относится к любому из действующих и потенциальных лидеров периферии — Китаю, Бразилии, Индии, Мексике или Южной Африке).

Выдающийся арабский экономист Самир Амин говорил о выходе из периферийного развития на основе «отключения» своей экономики от миросистемы. Он назвал это «de-linking». Проблематичность подхода Амина состоит в том, что он вызывает ассоциации со сталинской стратегией экономической автаркии и «Холодной войны». Разумеется, Амин постоянно подчеркивал, что под de-linking он понимает не самоизоляцию и войну с внешним миром. Однако эта концепция явно нуждается в уточнении, прежде чем мы пойдем дальше.

Механический разрыв с мировой системой на уровне хозяйственных связей, а тем более — на уровне технологического и информационного обмена был бы катастрофой. Но сохранение нынешней системы связей также ведет к катастрофе. Выход состоит в том, чтобы осуществить постепенную пере-

ориентацию хозяйственных связей за счет усиления кооперации со странами «Третьего мира», таким образом увеличивая их коллективную автономию по отношению к Западу. Главное, однако, не разрыв с мировой экономикой, а прекращение обслуживания глобального процесса накопления капитала. Именно отключение от этого процесса (при сохранении товарного, информационного и технологического обмена) означало бы эффективное использование стратегии de-linking.

Современная Россия страдает от массового износа оборудования и дефицита инвестиций. Однако, как и Германия после Второй мировой войны, она сохраняет человеческий потенциал, который позволил бы стране сделать резкий рывок вперед, если будет преодолен инвестиционный голод. В этом смысле главной проблемой является даже не ориентация на экспорт энергоносителей сама по себе, а то, что при сложившейся модели доходы от этого экспорта не могут успешно использоваться для модернизации страны.

Наша страна могла бы изменить свое положение, если бы реализовалась своего рода стратегия русского New Deal, предполагающая массовое и комплексное инвестирование в программы модернизации через общественный сектор.

Беда лишь в том, что в российской политической системе нет ни одной силы, которая серьезно была бы готова не то, чтобы осуществить подобный сценарий, но даже сделать какие-либо шаги в этом направлении.